

Дворцовые лекари еще говорили, что через день-два он должен очнуться, как же так, уже три-четыре дня прошло, а он всё спит? — жаловался слуга, глядя на струившийся дымок над печью для отваров во дворе резиденции маркиза Чжэньбэй, где жил Ци Цзюнь.

Государыня отдала строжайший приказ: пока Ци Цзюнь не очнется, всем им положено нести круглосуточную вахту.

— Какой сейчас час? — неожиданно раздавшийся мужской голос заставил слугу вздрогнуть. Обернувшись, он увидел Ци Цзюня: тот стоял на пороге, забинтованный и с совершенно ошеломленным выражением лица.

На четвертое утро после того, как его перенесли из императорских покоев в резиденцию маркиза Чжэньбэй, Ци Цзюнь наконец пришёл в себя.

— Молодой господин, ну вы и соня!

Увидев, что Ци Цзюнь, очнувшись, может и есть, и пить, и в целом чувствует себя неплохо, сопровождающий его мальчишка-книгоноша осмелел и заговорил с ним так же принужденно и весело, как обычно:

— Вы так долго спали на императорском ложе! Наверное, у вас такое дурацкое выражение лица во сне, что император побрезговал вами и велел отправить обратно.

Ци Цзюнь не поддержал шутку. В беспамятстве ему снился страшный, сумбурный кошмар: в этом сне регенту то и дело доводилось то умирать, то оживать, а сам он метался то по Шанцзину, то по Цюйюнгуанской заставе...

— Скажи, пока я спал, в доме что-нибудь происходило? — спросил Ци Цзюнь.

— Ничего особенного, а вот в городе творилось всякое. Император приказал строго расследовать дела чиновников, состоявших в сговоре с регентом, — тюремных повозок, проехавших мимо ворот, набралось уже несколько штук, да и в застенках целая толпа ждет своей участи.

Поразмыслив, книгоноша добавил:

— Государыне-матушке стало намного лучше, на днях она даже любовалась цветами в саду вместе с барышней. Ах да, в те дни, пока вы спали, к вам заходил какой-то молодой господин. Управляющий сказал, что вы еще не проснулись, и он ушел.

— Молодой господин? Как он выглядит? — спросил Ци Цзюнь.

— Эм... Довольно смазлив: черная верхняя одежда, белое исподнее, на воротнике — узор из облаков...

Выслушав описание, Ци Цзюнь потер виски — он совершенно не припоминал, чтобы был знаком с кем-то подобным.

— Молодой господин, вас кто-то ищет у ворот, — внезапно вошла в дворцовый дворик служанка с цветами в руках, прерывая их разговор. — Кажется, это тот самый господин, который приходил несколько дней назад.

Приведя себя в порядок и снedaемый любопытством, Ци Цзюнь распахнул ворота резиденции и увидел Сяо Юя в повседневном черном наряде. Тот с веером в руке словно бы уже давно поджидал его.

— Вы... Ваше Величество?! — испугался Ци Цзюнь и торопливо отвесил поклон. — Не знал, что Ваше Величество изволит пожаловать лично, неужто в столице стряслось что-то срочное?

Сяо Юй, однако, удержал его за руку, не позволяя кланяться, и произнес:

— При дворе все спокойно, просто Мне захотелось выйти из дворца и прогуляться. К тому же, видя тебя в таком виде, генералу Ци, Я не могу не тревожиться.

— Благодарю Ваше Величество за заботу, твой слуга крепок телом, и с этими пустячными ранами уже всё в порядке.

Ци Цзюнь не хвастался понапрасну.

Благодаря снадобьям, приготовленным по приказу императора из лучших лекарственных трав императорской лечебницы, пробудившись, Ци Цзюнь чувствовал лишь невероятную легкость во всем теле, словно заново родился.

Но опасаясь, что император ему не поверит, он нарочно с силой замахал руками.

— Генералу Ци не обязательно демонстрировать это Мне, — успокоился Сяо Юй, видя, что тот пышет здоровьем и энергией. — Хоть Я и император, но толком и не видел Шанцзина. Как насчет того, чтобы генерал Ци составил Мне компанию?

Ци Цзюнь был безмерно рад увидеть Сяо Юя сразу после пробуждения, поэтому тут же согласился.

— Генерал Ци, Мне ведь не пристало вечно звать тебя генералом Ци, — Сяо Юй задумчиво прижал веер к подбородку. — Сяо Цзи или А-Цзюнь — как ты хочешь, чтобы Я тебя звал?

— Естественно, как Вашему Величеству угодно, так и зовите, — без малейших колебаний ответил Ци Цзюнь.

— Вот и ладно. Отныне Я буду звать тебя Сяо Цзи, — удовлетворенно кивнул Сяо Юй. — Смотри же, выйдя на улицу, тоже не величай Меня императором, а то услышат посторонние, и опять хлопот не оберешься, — наставительно добавил он.

— Слушаюсь, Ваше Величество!

Шанцзин был поистине местом, где собирались сокровища со всех четырех морей и стекались деликатесы со всей Вселенной.

До середины третьего месяца и приближающегося Праздника цветов оставалось еще несколько дней, но погода уже потеплела, и на улицах было шумно и многолюдно, будто в праздничный день. Расписные экипажи теснились на главных проспектах, породистые скакуны наперегонки мчались по императорским дорогам. Алые терема и расписные павильоны, винные лавки и чайные дома, резные ставни и жемчужные занавеси — всё поражало необычайной роскошью.

Они шли бок о бок, по пути покупая вяленое мясо по-сычуаньски, сладкие шарики по-цзяннаньски и всякие фрукты. Сяо Юй не любил острое, поэтому, едва надкусив вяленое мясо, скривился и есть больше не стал.

Ци Цзюнь незадолго до этого завершил великое дело, а теперь еще и гулял весенним днем в компании любимого человека, отчего чувствовал себя необыкновенно легко и радостно.

В отличие от него, молодой император больше напоминал инспектирующего чиновников цензора: в каждом блюде и в каждой забаве чувствовался какой-то излишний, чрезмерный педантизм.

Наблюдая, как Ци Цзюнь в лавке ювелирных изделий покупает для младшей сестры золоченый нефритовый браслет с ажурной резьбой, Сяо Юй вдруг произвел:

— Не знает ли Сяо Цзи, нет ли неподалеку мастера, который умеет чинить флейты? Моя флейта, пожалуй, нуждается в его осмотре.

Флейта?

Ци Цзюнь не был знаком с мастерами музыкальных инструментов, но при упоминании флейты в его памяти и впрямь всплыл один человек, только вот место, где она находилась, совершенно не подходило для визита императора.

— Что такое, Сяо Цзи? — заметив странное выражение на лице Ци Цзюня, спросил Сяо Юй.

— Твой слуга не ведает, где живут мастера по ремонту флейт, но прежде доводилось слышать от людей, что в Шанцзине живет девица, искусная в музыке — ее гучжэн и флейту называют несравненными во всей столице. Быть может, стоит показать инструмент ей.

— Тогда отправимся к ней.

— Но она — бывшая куртизанка из официального дома терпимости, ныне продающая искусство в Цуймэнсюане. Для Вашего Величества посещать подобные места не по чину...

Сяо Юй понял его опасения и сказал:

— Тогда пускай Сяо Цзи считает Меня сегодня праздным столичным гулякой. Поедем в Цуймэнсюань, навестим ту девицу.

Ци Цзюнь понимал, что спорить с молодым императором бесполезно, и оставалось лишь вести его в Цуймэнсюань.

Сам Ци Цзюнь вовсе не был любителем распутных развлечений, и в борделе этом очутился впервые.

Цуймэнсюань разительно отличался от тех преисполненных соблазнов борделей, что рисовались ему в воображении — здесь царили большая тишина и куда более утонченная атмосфера, чем в обычных домах терпимости.

— Кого же ищут эти двое уважаемых гостей? Я здешняя хозяйка, скажите мне, к кому пожаловали, я все устрою, — плавной походкой спускаясь по лестнице, произнесла женщина в алом платье, манящая и грациозная, словно цветок шиповника.

— Не свободна ли сегодня госпожа Цзя Юэ? — заметив, что женщина собирается подойти ближе, Ци Цзюнь поспешно оттащил Сяо Юя назад.

Хозяйка прищурилась, окинув взглядом двоих мужчин: ткань на одежде этого человека в черном стоила целое состояние, да и сам он излучал благородную, утонченную уверенность, а его спутник с широкими плечами и узкой талией никак не походил на бедняка.

С улыбкой она произнесла:

— Какая удача выпала молодым господам! Госпожа Юэ во второй половине дня принимает господина цензора, но до полудня она как раз свободна и готовится к приему. Следуйте за мной, я вас провожу.

Мадам провела их в роскошную комнату, разделенную надвое прозрачной шелковой ширмой.

Ци Цзюнь и Сяо Юй уселись за стол у дальней части комнаты, в то время как за полупрозрачной тканью угадывался изящный девичий силуэт.

— По какому делу пожаловали новые гости? — подала голос девушка, и ее чистый, прохладный голос напомнил журчание горного ручья.

— Даже не видя нас двоих, госпожа сразу поняла, что мы новички — поистине поразительно, — усмехнулся Сяо Юй.

— И то верно. Впервые вижу, чтобы в веселый дом приходили с такой зажатостью, — холодно бросила Цзя Юэ.

— Слышал, что госпожа необычайно искусна в игре на флейте, а я как раз тоже играю на этом инструменте. Моя флейта довольно необычна, но в эти дни она несколько повреждена, а починить ее негде, вот я и пришел за помощью к госпоже, — продолжил Сяо Юй.

— Как странно: другие приходят в подобные места забавы ради, а вы явились чинить флейту? — промолвила Цзя Юэ, просунув руку из-за шелковой ширмы в знак того, чтобы Сяо Юй передал ей бамбуковый инструмент.

Получив флейту, Цзя Юэ повертела ее в руках, а затем протянула обратно.

— Сыграй-ка еще раз, — скомандовала Цзя Юэ.

Сяо Юй достал нефритовую флейту и заиграл. Мелодия не была столь скорбной, как в ту ночь на пиру, напротив — возвышенная и суровая, глубокая и звенящая, она казалась тающим весенним снегом, стекающим в речные бурные воды.

В самый разгар звучания сидевшая за ширмой девушка тоже подняла флейту и заиграла в унисон с ним, только мелодия Цзя Юэ была куда яростнее, словно упрямая вода в карстовой пещере, капля за каплей пробивающая камень.

Но на самом кульминационном моменте у Сяо Юя снова сорвался звук, он умолк и уставился на трубку флейты.

— С твоим инструментом всё в порядке, просто у гостя на душе тяжело, оттого и музыка выходит тоскливой, — равнодушно произнесла Цзя Юэ. — Если не брезгуешь, поведай мне свою историю.

Что и требовалось доказать: скольких ни спрашивай, ответ везде примерно один и тот же.

По сравнению с придворными музыкантами, искушенными в звуках, слова этой куртизанки

прозвучали куда честнее.

Сяо Юй горько усмехнулся про себя.

— Все это давнишние дела, не стоит и вспоминать. Раз госпожа говорит, что с флейтой все в порядке, мы тогда откланяемся.

С этими словами он поднял ошеломленного Ци Цзюня на ноги.

Когда они закрывали за собой дверь, Сяо Юй услышал легкий вздох Цзя Юэ:

— Опять бездушный молодой господчик...

<http://bllate.org/book/21170/2144729>